

29 АПР 1970

ДЕБЮТ

● ЕВГЕНИЙ НЕФФ И САЙМА КРАНИГ В БАЛЕТЕ С. ПРОКОФЬЕВА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА» ●

Вообще-то дебютантами в прямом смысле слова их не назовешь. Сайма Краниг танцует в театре «Эстония» шестой сезон, Евгений Нефф — четвертый. Нефф уже исполнил такую большую роль, как Адам в «Сотворении мира». Путь Краниг к вершинам был медленнее, но и ее потенциальные возможности балетмейстер Май Мурдмаа заметила сразу. Когда осенью 1971 года выпускалась первая сценическая редакция «Ромео и Джульетты», имя Краниг стояло в списке исполнительниц заглавной партии. Танцовщица тогда только первый сезон работала в театре, и такое начало выглядело многообещающим. И все же тогда балерине не довелось воплотить образ Джульетты. Не хватало смелости или техники, или силы чувства — это уже не важно. Важно то, что теперь она нашла пути воплощения образа Джульетты.

Слово «дебют» я употребляю не только по отношению к С. Краниг, для которой, исполнившей уже ряд больших и малых ролей, партия Джульетты оказалась первой, требующей настоящего умения преодолеть себя.

То же относится и к Е. Неффу — Ромео. Обе эти роли требуют волшебства юности, искреннего излучения в зал своего «я»; юная непосредственность должна слиться с напряженностью мысли, искренность — с правдой характера. Нужно достичь уровня, на котором одаренность должна переплавиться в профессиональное мастерство. Конечно, ра-

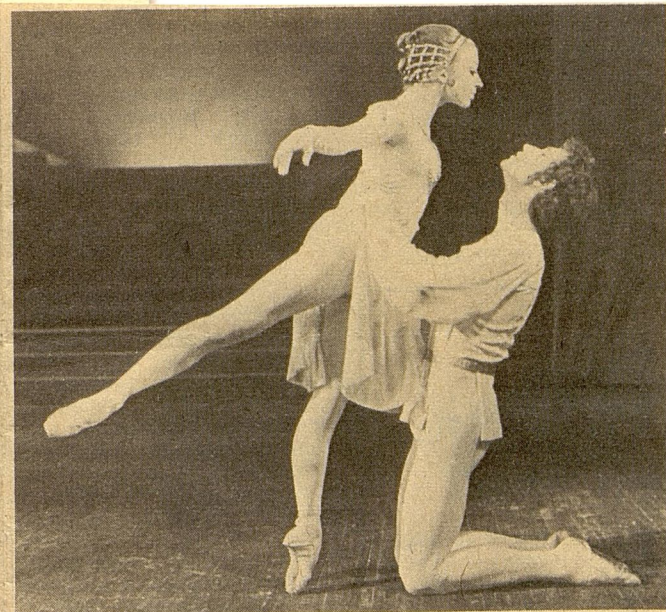
но еще ожидать, чтобы молодые танцоры достигли этого уровня уже сейчас, чтобы они сумели полностью воплотить гений Шекспира, музыку Прокофьева, хореографический замысел Май Мурдмаа (и в новой постановке наиболее глубокий по линии главных героев). Но радостно удостовериться, что молодые солисты сумели доказать свое право на эти роли.

Первое впечатление от Ромео—Неффа и Джульетты — Краниг — узнаваемость. Не балетных канонов, даже не шекспировской трагедии, а сегодняшних молодых людей. Есть что-то знакомое в наивной «гамлетовской» позе, которой Ромео скрывает свою ранимую искренность, в уловатых шагах спускающегося по лестнице героя. Есть что-то знакомое в откровенном упоении своей юностью, красотой, легкостью, с которым Краниг — Джульетта встречает поворотный день своей жизни. Тоскливые арабески в миг беспечальной грусти вдруг прерываются извивым алевро: мимолетное облачко пробежало по яркому лику утра жизни — и исчезло. Так ясно и содержательно начинают солисты свои партии, добиваясь счастливого совпадения своего «я» и материала ролей, заявляя о своей готовности быть Ромео, быть Джульеттой.

Но в сцене их первого свидания Нефф и Краниг реализуют свою «готовность» с разной последовательностью. С. Краниг, возможно, не так уж смело, но точно выстраивает детали. Поворотом головы, взглядом, жестом, кото-

рыми она реагирует на Париса (Е. Басихин) в сцене бала, она доказывает, что перед нами — истинная дочь Капулетти: покорствующая воле родителей — но все же самостоятельная. У Е. Неффа есть еще моменты (в сцене танца с друзьями в I акте), где его Ромео ограничивается лирической балетной улыбкой, но тело и ноги не поспевают за пульсирующим ритмом музыки Прокофьева.

Но в сцене встречи героев улавливаешь этот электрический удар, поразивший их. Улавливаешь роковой поворот судеб — через импульсивность Неффа, через напряженность Краниг. Джульетта вначале только любит, наслаждается произведенным впечатлением. И лишь серьезность Ромео делает серьезной и Джульетту. Здесь танцоры начинают развивать свою тему Ромео и Джульетты. Тему упоения любовью двух очень юных людей, тем детской прелести, чистоты и искренности первой и единственной любви. Е. Нефф исключительно активен для балетного Ромео, он заряжен особой энергией, торопящей его к катастрофе. Джульетта С. Краниг более уравновешенна, погружена в себя, лишь в редкие минуты счастья она бурно раскрывает себя. Если не считать дуэт в саду, который не очень удался в первом спектакле, то впечатление от пары

Нефф—Краниг сосредоточено вокруг трех эпизодов: встречи на балу, сцены у Лоренцо и дуэта в спальне. В этих эпизодах сплавлены воедино «я» современного молодого человека с Ромео и Джульеттой Шекспира — Прокофьева — Мурдмаа. Сумели ли молодые солисты истинно воплотить то

перерождение, которое звала в их героях любовь? Не знаю. Но их выступление было вдохновенным и прекрасным.

ЭЭРО ЛАЙД.

На снимке: Джульетта — С. Краниг; Ромео — Е. Нефф.

Фото Г. Вайдла.